

произносительной нормы языка своего времени. Не то — у Лукина. Сразу бросается в глаза, что согласные обычно звучат у него твердо, не палатализуются (роскошь); это особенно резко выступает в постоянном озвончении звуков с и т: збирается, зделать, изключая, прозбы (прозбами), збережения, разпечатал, возмется, присудствовать, «опрядно одеты были». Однако в сочетаниях *рв, рк, бв, ск* мягкость первого согласного звука даже подчеркнута мягким знаком или же глухим с вместо коренного з: «первое и самое необходимое», «да сверьх того», «для пустой к нему любви», «поклонилась ниско», «весьма блиско того времени». Звук *г* порой звучит, как фриктивный (*h*): «если бы ты хотя немного умяхчился». Неударное *о* близко к *у*: «безсумненно вразумляли меня», «сие убязуемое усердие». В написании слов «обвертки» и «изъящный» Лукин следует этимологическому принципу, а не фонетическому.

Хотя эти наблюдаемые нами особенности орфоэпии не повторяются систематически в тексте перевода, но они все же определяют окрашивают речь Лукина южнорусскими приметам.

Морфологические черты елагинского языка были прочно усвоены и Лукиным. Он также упорно придерживается отвергнутой Ломоносовым формы имен существительных во множественном числе с окончанием *ии*, притом абсолютно не учитывая стилевой функции слов: представлении, желании, путешествии, попечении, погрешении, волновании, предсказании, здании.

Обычны у него и формы именительного падежа типа: дома, голоса, беспокойствы, бездельствы; окончание *а* можно встретить только в словах просторечной огласовки («большие Аглинские бояра», «Агличана называют их»), но это, однако, ничуть не связано с «низостью» слога самого рассказа.

Изредка встречается старославянская форма дательного падежа имени существительного во множественном числе: «Теперь ни одной минуты не останусь неключимым <нерешительным>, пороком ли повиноваться или моей должности <долгу>», но рядом в родительном падеже множественного числа имен существительных встречаем и просторечное окончание *ев, ов*: приключениях, следствиях, заразов <прелестей>.

В именах прилагательных остается в полной силе излюбленная Елагиным архаическая форма окончания родительного падежа женского рода *ья* в единственном числе: «несносная своя печали». Но здесь же, рядом, в именительном падеже вместо книжного окончания *ый, ий* Лукин почти всегда пользуется просторечным *ой* с редуцированным гласным; впрочем, при этой несомненно выраженной тенденции, можем встретить у него и разноречной, даже в пределах одного предложения, объясняемый, оче-